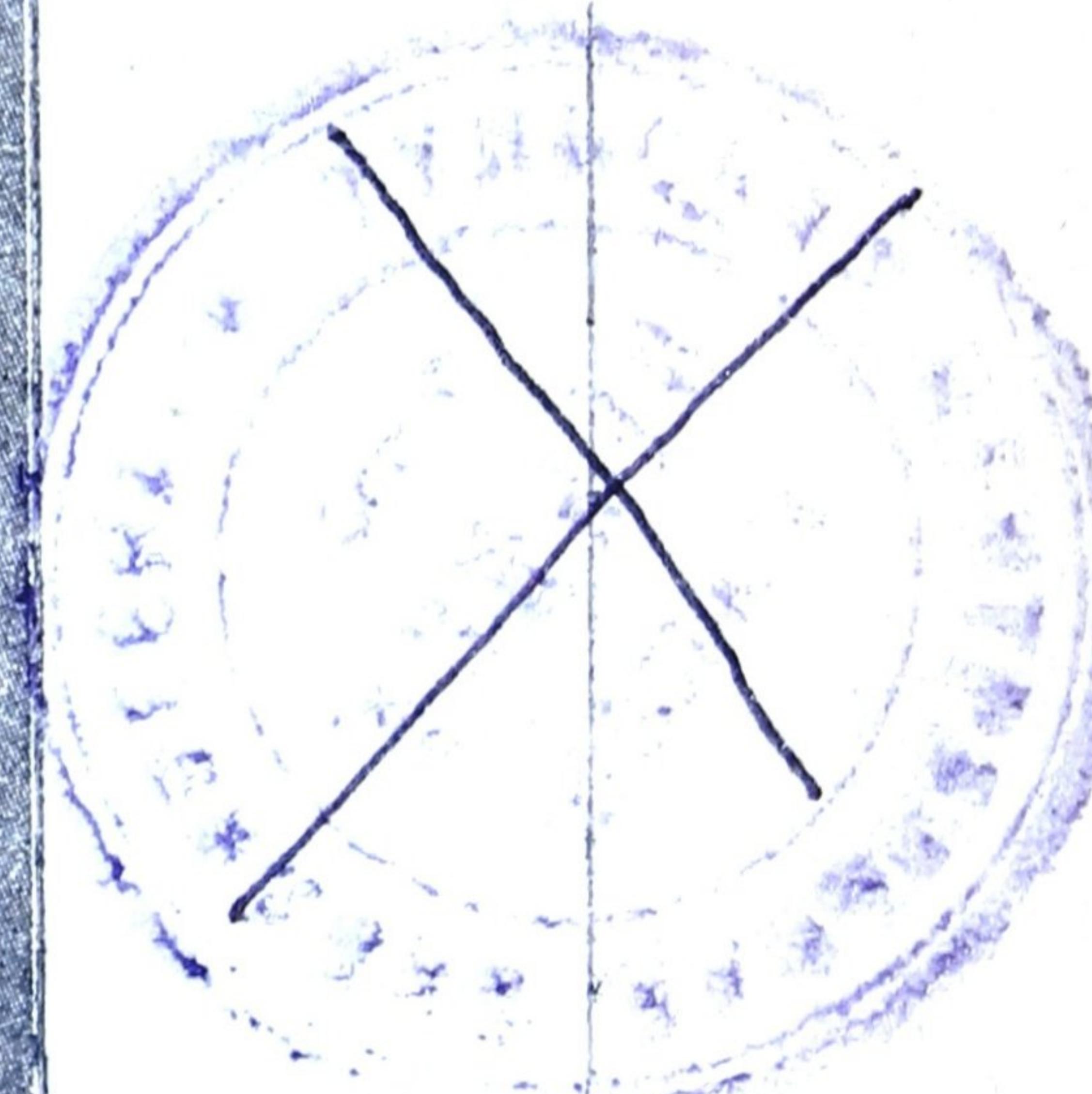
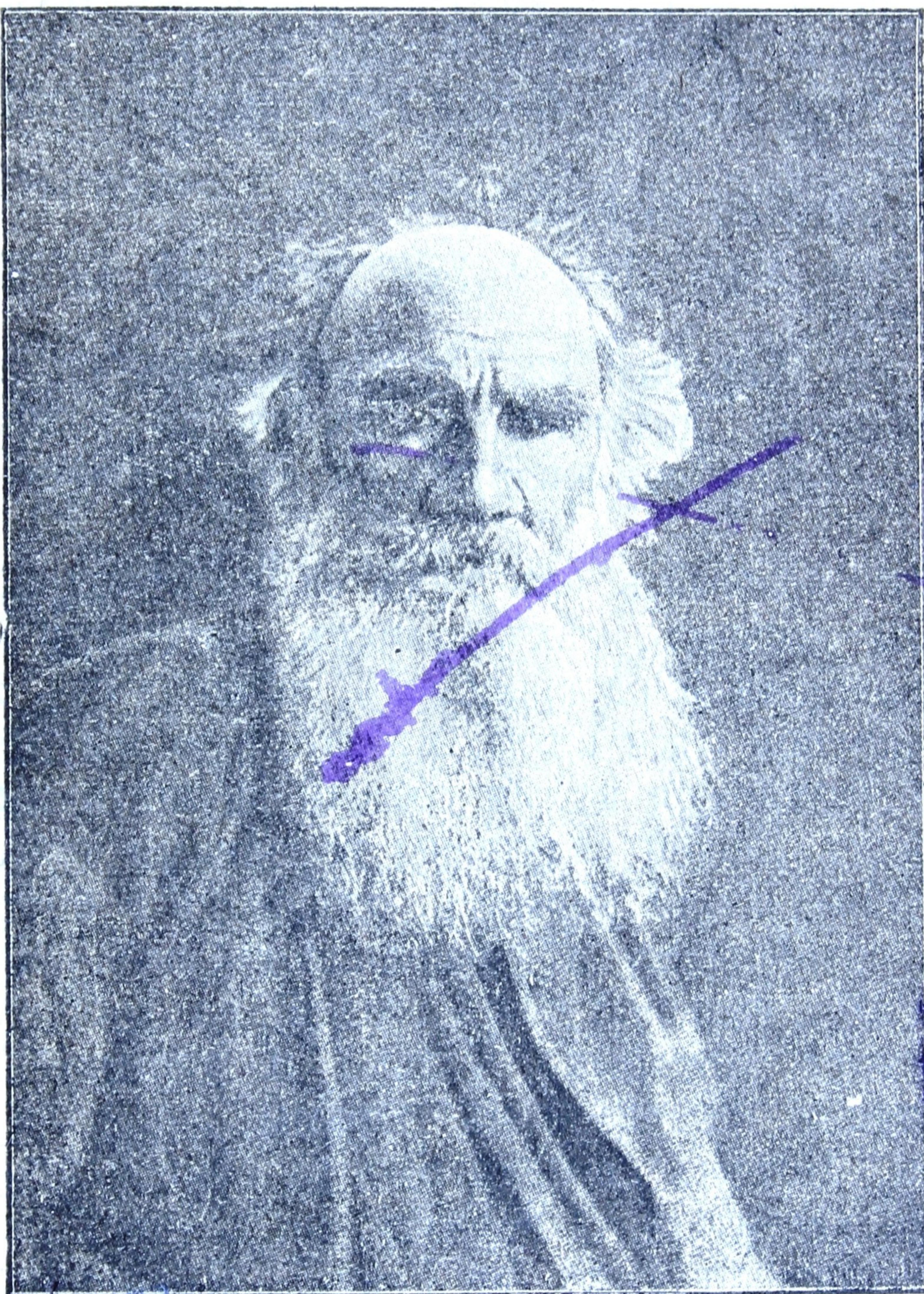

81
Т53

ТФ

Л. Н. Толстой.

Не могу молчать.

Издание „ПОСРЕДНИКЪ“.

№ 1174.

Ц. 15 к.

НЕ МОГУ МОЛЧАТЬ.

(О смертныхъ казняхъ.)

I.

«Семь смертныхъ приговоровъ: два въ Петербургѣ, одинъ въ Москвѣ, два въ Пензѣ, два въ Ригѣ. Четыре казни: двѣ въ Херсонѣ, одна въ Вильнѣ, одна въ Одессѣ».

И это въ каждой газетѣ. И это продолжается не недѣли, не мѣсяцъ, не годъ, а годы. И происходитъ это въ Россіи, въ той Россіи, въ которой народъ считаетъ всякаго преступника несчастнымъ и въ которой до самаго послѣдняго времени по закону не было смертной казни.

Помню, какъ гордился я этимъ когда-то предъ европейцами. И вотъ второй, третій годъ неперестающія казни, казни, казни.

Беру нынѣшнюю газету.

Нынче, 9-го мая, что-то ужасное. Въ газетѣ стоять короткія слова:

«Сегодня въ Херсонѣ на Стрѣльбицкомъ полѣ казнены черезъ повѣшеніе двадцать крестьянъ за разбойное нападеніе на усадьбу землевладѣльца въ Елисаветградскомъ уѣздѣ» *).

Двѣнадцать человѣкъ изъ тѣхъ самыхъ людей, трудами которыхъ мы живемъ, тѣхъ самыхъ, которыхъ мы всѣми силами развращали и развращаемъ, начиная отъ яда водки и до той ужасной лжи вѣры, въ которую мы не вѣримъ, но которую стараемся всѣми силами внушить имъ, — двѣнадцать такихъ людей задушены веревками тѣми самыми людьми, которыхъ они кормятъ, одѣваютъ и обстраиваютъ и которые развращали и развращаютъ ихъ. Двѣнадцать мужей, отцовъ, сыновей тѣхъ людей, на добротѣ, трудолюбіи, простотѣ которыхъ только и держится русская жизнь, схватили, посадили въ тюрьмы, заковали въ ножные кандалы. Потомъ связали имъ за спину руки, чтобы они не могли хвататься за веревку, на которой ихъ будутъ вѣшать, и привели подъ висѣлицы. Нѣсколько такихъ

*) Въ газетахъ появились потомъ опроверженія извѣстія о казни двадцати крестьянъ.

Могу только радоваться этой ошибкѣ: какъ тому, что задавлено на восемь человѣкъ меньше, чѣмъ было въ первомъ извѣстіи, такъ и тому, что эта ужасная цифра заставила меня выразить въ этихъ

же крестьянъ, какъ и тѣ, которыхъ будуть вѣшать, только вооруженные и одѣтые въ хорошіе сапоги и чистыѣ солдатскіе мундиры, съ ружьями въ рукахъ, сопровождають приговоренныхъ. Рядомъ съ приговоренными въ парчевой ризѣ и въ епитрахили, съ крестомъ въ рукѣ идетъ человѣкъ съ длинными волосами. Шествіе останавливается. Руководитель всего дѣла говорить что-то; секретарь читаетъ бумагу, и когда бумага прочтена, человѣкъ съ длинными волосами, обращаясь къ тѣмъ людямъ, которыхъ другіе люди собираются удушить веревками, говорить что-то о Богѣ и Христѣ. Тотчасъ же послѣ этихъ словъ плачи-ихъ пѣсколько: одинъ не можетъ управиться съ такимъ сложнымъ дѣломъ,—разведя мыло и намыливъ петли веревокъ, чтобы лучше затягивались, берутся за закованныхъ, надѣваютъ на нихъ саваны, взводятъ на помостъ съ висѣлицами и накладываютъ на шеи веревочные петли.

И вотъ одинъ за другимъ, живые люди сталкиваются съ выдернутыхъ изъ-подъ нихъ скамеекъ и своею тяжестью сразу затягиваютъ на своей шеѣ петли и мучительно задыхаются. За минуту еще предъ этимъ живые люди превращаются въ висячія на веревкахъ мертвяя тѣла, которая сначала медленно покачиваются, потомъ замираютъ въ неподвижности.

Все это для своихъ братьевъ людей старательно устроено и придумано людьми высшаго сословія, людьми учеными, просвѣщенными. Придумано то, чтобы дѣлать эти дѣла тайно на зарѣ, такъ, чтобы никто не видалъ ихъ. Придумано то, чтобы отвѣтственность за эти злодѣйства такъ бы распредѣлялись между совершающими ихъ людьми, чтобы каждый могъ думать и сказать: не онъ виновникъ ихъ. Придумано то, чтобы разыскивать самыхъ развращенныхъ и несчастныхъ людей и, заставляя ихъ дѣлать дѣло, нами же придуманное и одобряемое, дѣлать видъ, что мы гнушаемся людьми, дѣлающими это дѣло. Придумана даже такая тонкость, что приговариваются одни (военные суды), а присутствуютъ обязательно при каз-

стрицахъ то чувство, которое давно уже мучаетъ меня, и потому, только замѣняя слово двадцать словомъ двѣнадцать, оставляю безъ перемѣны все то, что сказано здѣсь, такъ какъ сказанное относится не къ однимъ двѣнадцати казненнымъ, а ко всѣмъ тысячамъ въ послѣднее время убитымъ и задавленнымъ людямъ,

ияхъ не военные, а гражданскіе. Исполняютъ же дѣло несчастные, обманутые, развращенные, презираемые, ко-торымъ остается одно: какъ получше намылить веревки, чтобы павѣрное затягивали шеи, и какъ бы получше на-шиться продаваемымъ этими же просвѣщенными, высшими людьми ядомъ, чтобы скорѣе и полнѣе забыть о своей душѣ, о своемъ человѣческомъ званіи.

Врачъ обходить тѣла, ѿщупываетъ и докладываетъ начальству, что дѣло совершено, какъ должно: всѣ 12 человѣкъ несомнѣнно мертвы. И начальство удаляется къ своимъ обычнымъ занятіямъ съ сознаніемъ добросовѣстно исполненного, хотя и тяжелаго, но необходимаго дѣла. Застывшія тѣла снимаютъ и зарываютъ. Вѣдь это ужасно!

И дѣлается это не одинъ разъ и не надъ этими 12 несчастными, обманутыми людьми изъ лучшаго сословія русскаго народа, но дѣлается это не переставая, годами, надъ сотнями и тысячами такихъ же обманутыхъ людей, обманутыхъ тѣми самыми людьми, которые дѣлаютъ надъ ними эти страшныя дѣла. И дѣлается не только это ужасное дѣло, но и подъ тѣмъ же предлогомъ и съ той же хладнокровной жестокостью совершаются еще самыя разнообразныя мучительства и насилия по тюрьмамъ, крѣ-постямъ, каторгамъ.

Это ужасно, но ужаснѣе всего то, что дѣлается это не по увлеченію, чувству, заглушающему умъ, какъ это дѣ-лается въ дракѣ, на войнѣ, въ грабежѣ даже, а напро-тивъ, по требованію ума, расчёта, заглушающаго чувство. Этимъ-то особенно ужасны эти дѣла. Ужасны тѣмъ, что ничто такъ ярко, какъ всѣ эти дѣла, совершаemыя отъ суды до палача людьми, которые не хотятъ ихъ дѣ-лать,—ничто такъ ярко и явно не показываетъ всю губи-тельность деспотизма для душъ человѣческихъ власти однихъ людей надъ другими.

Возмутительно, когда одинъ человѣкъ можетъ отнять у другого его трудъ, деньги, корову, лошадь, можетъ отнять даже его сына, дочь,—это возмутительно, но на-сколько возмутительнѣе то, что можетъ одинъ человѣкъ отнять у другого его душу, можетъ заставить его сдѣ-лать то, что губить его духовное «я», лишаетъ его духов-наго блага... А это самое дѣлаютъ тѣ люди, которые устраи-ваютъ все это и спокойно, ради блага людей, заставляютъ людей, отъ суды до палача, подкупами, угрозами, обма-

нами совершать эти дѣла, навѣрное лишающія ихъ истин-
наго блага.

И въ то время, какъ все это дѣлается годами по
всей Россіи, главные виновники этихъ дѣлъ, тѣ, по рас-
поряженію которыхъ это дѣлается, тѣ, кто могъ бы оста-
новить эти дѣла,—главные виновники этихъ дѣлъ съ полной
увѣренностью того, что эти дѣла,—дѣла полезныя и да-
же необходимы,—или придумываютъ и говорятъ рѣчі
о томъ, какъ надо мѣшать финляндцамъ жить такъ,
какъ хотятъ этого финляндцы, а непремѣнно заставить
ихъ жить такъ, какъ хотятъ этого нѣсколько человѣкъ
русскихъ, или издаютъ приказы о томъ, какъ въ армей-
скихъ гусарскихъ полкахъ общлага рукавовъ и воротни-
ки доломановъ должны быть по цвѣту послѣднихъ, а мен-
тики, кому таковые присвоены, безъ выпушки вокругъ
рукавовъ надъ мѣхомъ.

Да, это ужасно!

II.

Ужаснѣе же всего въ этомъ то, что всѣ эти безчело-
вѣчныя насилия и убийства, кроме того прямого зла, ко-
торое они причиняютъ жертвамъ насилий и ихъ семьямъ,
причиняютъ еще большее, величайшее зло всему народу,
разнося быстро распространяющееся, какъ пожаръ по су-
хой соломѣ, разращеніе всѣхъ сословій русскаго народа.
Распространяется же это разращеніе особенно быстро
среди простого, рабочаго народа, потому что всѣ эти пре-
ступленія, превышающія въ сотни разъ все то, что дѣла-
лось и дѣлается простыми ворами и разбойниками и всѣми
революціонерами вмѣстѣ, совершаются подъ видомъ чего-
то нужнаго, хорошаго, необходимаго, не только оправды-
ваемаго, но поддерживаемаго разными, нераздѣльными въ
понятіяхъ народа съ справедливостью и даже святынью,
учрежденіями: сенатъ, синодъ, дума, церковь, царь.

И распространяется это разращеніе съ необычайной
быстротой.

Недавно еще не могли найти во всемъ русскомъ народѣ
двухъ палачей. Еще недавно, въ 80 годахъ, былъ только
одинъ палачъ во всей Россіи; помню, какъ тогда Соловьевъ
Владимиръ съ радостью рассказывалъ мнѣ, какъ не могли
по всей Россіи найти другого палача, а одного возили съ
мѣста на мѣсто. Теперь не то.

Въ Москвѣ торговецъ-лавочникъ, разстроивъ свои дѣла, предложилъ свои услуги для исполненія убийствъ, совершаемыхъ правительствомъ, и, получая по 100 рублей съ повышеннаго, въ короткое время такъ поправилъ свои дѣла, что скоро пересталъ нуждаться въ этомъ побочномъ промыслѣ и теперь ведеть попрежнему торговлю.

Въ Орлѣ въ прошлыхъ мѣсяцахъ, какъ и вездѣ, понадобился палачъ, и тотчасъ же нашелся человѣкъ, который согласился исполнять это дѣло, срядившись съ завѣдующимъ правительственными убийствами за 50 рублей съ человѣка. Но, узнавъ уже послѣ того, какъ онъ срядился въ цѣнѣ, о томъ, что въ другихъ мѣстахъ платить дороже, добровольный палачъ во время совершеннія казни, надѣвъ на убиваемаго саванъ-мѣшокъ, вместо того, чтобы вести его на помостъ, остановился и, подойдя къ начальнику, сказалъ: «прибавьте, ваше превосходительство, четвертной билетъ, а то не стану». Ему прибавили, и онъ исполнилъ.

Слѣдующая казнь предстояла пятымъ. Наканунѣ казни къ распорядителю правительственныхъ убийствъ пришелъ неизвѣстный человѣкъ, желающій переговорить по тайному дѣлу. Распорядитель вышелъ. Неизвѣстный человѣкъ сказалъ:

«Надысь какой-то съ васъ три четвертныхъ взялъ за одного. Нынче, слышно, пятеро назначено. Прикажите всѣхъ за мной оставить, я по пятнадцати цѣлковыхъ возьму и, будьте покойны, сдѣлаю какъ должно».

Не знаю, принято ли было или нѣть предложеніе, но знаю, что предложеніе было.

Такъ дѣйствуютъ эти совершаемыя правительствомъ преступленія на худшихъ, наименѣе нравственныхъ людей народа. Но ужасныя дѣла эти не могутъ оставаться безъ вліянія и на большинство среднихъ, въ нравственномъ отношеніи, людей. Не переставая слыша и читая о самыхъ ужасныхъ, безчеловѣчныхъ звѣрствахъ, совершаемыхъ властями, т.-е. людьми, которыхъ народъ привыкъ почитать, какъ лучшихъ людей,—большинство среднихъ, особенно молодыхъ, занятыхъ своими личными дѣлами, людей невольно, вместо того, чтобы понять то, что люди, совершающіе гадкія дѣла, не достойны почтенія, дѣлаютъ обратное разсужденіе: «если почитаемые всѣми люди,—разсуждаютъ они, дѣлаютъ кажущіяся намъ гадкими дѣла, то, вѣроятно, дѣла эти не такъ гадки, какъ они намъ кажутся».

О казняхъ, повѣщеніяхъ, убийствахъ, бомбахъ пишутъ и говорять теперь, какъ прежде говорили о погодѣ. Дѣти играютъ въ повѣщеніе. Почти дѣти-гимназисты идутъ съ готовностью убить на экспропраціи, какъ прежде шли на охоту. Перебить крупныхъ землевладѣльцевъ для того, чтобы завладѣть ихъ землями, представляется теперь многимъ людямъ самыи вѣрнымъ разрешеніемъ земельного вопроса.

Вообще благодаря дѣятельности правительства, допускающаго возможность убийства для достиженія своихъ цѣлей, всякое преступленіе: грабежъ, воровство, ложь, мучительства, убийства считаются несчастными людьми, подвергшимися разращенію правительства, дѣлами самыми естественными, свойственными человѣку.

Да, какъ ни ужасны самыи дѣла, нравственное, духовное, невидимое зло, производимое ими, безъ сравненія еще ужаснѣе.

III.

Вы говорите, что вы совершаete всѣ эти ужасы для того, чтобы водворить спокойствіе, порядокъ. Вы водврjаете спокойствіе и порядокъ! Чѣмъ же вы его водворяете? Тѣмъ, что вы, представители христіанской власти, руководители, наставники, ободряемые и поощряемые церковными служителями, разрушаете въ людяхъ послѣдніе остатки вѣры и нравственности, совершая величайшія преступленія: ложь, предательство, всякаго рода мучительство и послѣднее, самое ужасное преступленіе, самое противное всякому не вполнѣ развращенному сердцу человѣческому, не убийство, не одно убийство, а убийства, безконечные убийства, которыя вы думаете оправдать разными глупыми ссылками на какія-то статьи, написанныя вами же въ вашихъ глупыхъ и лживыхъ книгахъ, кощунственно называемыя законами.

Вы говорите, что это единственное средство успокоенія народа и погашенія революціи, но вѣдь это явная неправда. Очевидно, что, не удовлетворяя требованіямъ самой первобытной справедливости всего русскаго земледѣльческаго народа: уничтоженіе земельной собственности, а, напротивъ, утверждая ее и всячески раздражая народъ и тѣхъ легкомысленныхъ, озлобленныхъ людей, которые начали насилийскую борьбу съ вами, вы не можете успокоить людей, мучая ихъ, терзая, ссылая, затѣчая, вѣщаю дѣтей и женщинъ.

Вѣдь какъ вы ни стараетесь заглушить въ себѣ свойственные людямъ разумъ и любовь, они есть въ васъ, и стоитъ вамъ опомниться и подумать, чтобы увидать, что, поступая такъ, какъ вы поступаете, т.-е. участвуя въ этихъ ужасныхъ преступленіяхъ, вы не только не излѣчиваеете болѣзнь, а только усиливаете ее, загоняя внутрь.

Вѣдь это слишкомъ ясно.

Причина совершающагося никакъ не въ материальныхъ событіяхъ, а все дѣло—въ духовномъ настроеніи народа, которое измѣнилось и которое никакими усилиями нельзя вернуть къ прежнему состоянію, такъ же нельзя вернуть, какъ нельзя взрослого сдѣлать опять ребенкомъ. Общественное раздраженіе или спокойствіе никакъ не можетъ зависѣть отъ того, что будетъ живъ или повѣшены Петровъ, или что Ивановъ будетъ жить не въ Тамбовѣ, а въ Нерчинскѣ, на каторгѣ. Общественное раздраженіе или спокойствіе можетъ зависѣть только отъ того, какъ не только Петровъ или Ивановъ, но все огромное большинство людей будетъ смотрѣть па свое положеніе; отъ того, какъ большинство это будетъ относиться къ власти, къ земельной собственности, къ проповѣдуемой вѣрѣ; отъ того, въ чёмъ большинство это будетъ полагать добро и въ чёмъ зло. Сила событій никакъ не въ материальныхъ условіяхъ жизни, а въ духовномъ настроеніи народа; если бы вы убили и замучили хотя бы и десятую часть всего русского народа, духовное состояніе остальныхъ не станетъ такимъ, какого вы желаете.

Такъ что все, что вы дѣлаете теперь съ вашими обычаями, шпионствами, изгланіями, тюрьмами, каторгами, висѣлицами,—все это не только не приводить народъ въ то состояніе, въ которое вы хотите привести его, а, напротивъ, увеличиваетъ раздраженіе и уничтожаетъ всякую возможность успокоенія.

«Но что же дѣлать?—говорите вы.—Что дѣлать? Какъ прекратить тѣ злодѣйства, которыя теперь совершаются?»

Отвѣтъ простой: *перестать дѣлать то, что вы дѣлаете.*

Если бы никто и не зналъ, что нужно дѣлать для того, чтобы успокоить «народъ», весь народъ (многие же очень хорошо знаютъ, что нужнѣе всего для успокоенія русского народа: нужно освобожденіе земли отъ собственности, какъ было нужно 50 лѣтъ тому назадъ освобожденіе

отъ крѣпостного права),—но если бы никто и не зналъ, что нужно теперь для успокоянія народа, то все-таки очевидно, что для успокоенія народа уже навѣрное *не нужно дѣлать* того, что только увеличиваетъ его раздраженіе. А вы именно только это и дѣлаете.

То, что вы дѣлаете, вы дѣлаете не для народа, а для себя, для того, чтобы удержать то, по заблужденію вашему считаемое вами выгоднымъ, а въ сущности, самое жалкое и гадкое положеніе, которое вы занимаете. Такъ и не говорите, что то, что вы дѣлаете, вы дѣлаете для народа: это неправда. Всѣ тѣ гадости, которыя вы дѣлаете, вы дѣлаете для себя, для своихъ корыстныхъ, честолюбивыхъ, тщеславныхъ, мстительныхъ личныхъ цѣлей, для того, чтобы самимъ пожить еще немножко въ тѣмъ развращеніи, въ которомъ вы живете, и которое вамъ кажется благомъ.

Но сколько бы вы ни говорили о томъ, что все, что вы дѣлаете, вы дѣлаете для блага народа, люди все больше и больше понимаютъ васъ и все больше и бѣльше презираютъ васъ, и на ваши мѣры подавленія и пресѣченія все больше и больше смотрять не такъ, какъ бы вы хотѣли: какъ на дѣйствія какого-то высшаго собирательнаго лица—правительства, а какъ на личныя дурныя дѣла отдельныхъ недобрыхъ себялюбцевъ.

IV.

Вы говорите: «Начали не мы, а революціонеры, а ужасныя злодѣйства революціонеровъ могутъ быть подавлены только твердыми (вы такъ называете ваши злодѣйства), твердыми мѣрами правительства».

Вы говорите, что совершаemyя революціонерами злодѣйства ужасны.

Я не спорю и прибавлю къ этому еще и то, что дѣла ихъ, кромѣ того, что ужасны, еще такъ же глупы и такъ же бываютъ мимо цѣли, какъ и ваши дѣла. Но какъ ни ужасны и ни глупы ихъ дѣла: всѣ эти бомбы и поджоны и всѣ эти отвратительныя убийства и грабежи денегъ,—всѣ эти дѣла далеко не достигаютъ преступности и глупости дѣлъ, совершаемыхъ вами.

Они дѣлаютъ совершенно то же, что и вы, и по тѣмъ же побудительнымъ причинамъ. Они такъ же, какъ и вы, находятся подъ тѣмъ же (я бы сказалъ комическимъ, если бы послѣдовія его не были такъ ужасны) заблужде-

ніемъ, что одни люди, составивъ себѣ планы о томъ, какое, по ихъ мнѣнію, желательно и должно быть устройство общества, имѣютъ право и возможность устраивать по этому плану жизнь другихъ людей. Однаково заблужденіе, однаковы и средства достиженія воображаемой цѣли. Средства эти—насиліе всякаго рода, доходящее до смертоубийства. Однаково и оправданіе въ совершаемыхъ злодѣяніяхъ. Оправданіе въ томъ, что дурное дѣло, совершающееся для блага многихъ, перестаетъ быть безнравственнымъ, и что потому можно, не нарушая нравственного закона, лгать, грабить, убивать, когда это ведеть къ осуществленію того предполагаемаго благого состоянія для многихъ, которое мы воображаемъ, что знаемъ, можемъ предвидѣть и которое хотимъ устроить.

Вы, правительственные люди, называете дѣла революціонеровъ злодѣйствами и великими преступленіями, но они ничего не дѣлали и не дѣлаютъ такого, чего бы вы не дѣлали и не дѣлали въ несравненно большей степени. Они дѣлаютъ только то же самое, что и вы: вы держите шпіоновъ, обманываете, распространяете ложь въ печати—и они дѣлаютъ то же; вы отбираете собственность людей посредствомъ всякаго рода насилия и по-своему распоряжаетесь ею—и они дѣлаютъ то же самое; вы казните тѣхъ, кого считаете вредными,—они дѣлаютъ то же.

Такъ что, употребляя тѣ безнравственные средства, которыя вы употребляете для достиженія своихъ цѣлей, вамъ-то ужъ никакъ нельзя упрекать революціонеровъ. Все, что вы только можете привести въ свое оправданіе, они точно такъ же приведутъ въ свое,—не говоря уже о томъ, что вы дѣлаете много такого дурного, чего они не дѣлаютъ: растрату народныхъ богатствъ, приготовленіе къ войнамъ и самыя войны, покоренія и угнетенія чужихъ народностей и многое другое.

Вы говорите, что у васъ есть преданія старины, которыя вы блудете, есть образцы дѣятельности великихъ людей прошедшаго,—у нихъ тоже преданія, которыя ведутся тоже издавна, еще раньше большой французской революціи, а великихъ людей, образцовъ для подражанія, мучениковъ, погибшихъ за истину и свободу, не меньше, чѣмъ у васъ.

Такъ что, если есть разница между вами и ими, то только въ томъ, что вы хотите, чтобы все оставалось, какъ было и есть, а они хотятъ перемѣны. А думая,

что нельзя всему всегда оставаться попрежнему, они были бы правѣе васъ, если бы у нихъ не было того же, взятаго отъ васъ, странаго и губительнаго заблужденія о томъ, что одни люди могутъ знать ту форму жизни, которая свойственна въ будущемъ всѣмъ людямъ, и что эту форму можно установить насилиемъ. Во всемъ же остальному они дѣлаютъ только то самое, что вы дѣлаете, и тѣми же самыми средствами. Они вполнѣ ваши ученики, они, какъ говорится, всѣ ваши капельки подобрали. Они не только ваши ученики, они—ваше произведеніе, они—ваши дѣти. Не будь васъ—не было бы ихъ, такъ что, когда вы силою хотите подавить ихъ, вы дѣлаете то, что дѣлается человѣкъ, налагающій силою на дверь, отворяющуюся на него.

Если и есть разница между вами и ими, то никакъ не въ вашу, а въ ихъ пользу. Смягчающія для нихъ обстоятельства, во-первыхъ, въ томъ, что ихъ злодѣйства совершаются при условіяхъ большой личной опасности, чѣмъ та, которой вы подвергаетесь, а рискъ, опасность оправдываютъ многое въ глазахъ увлекающейся молодежи; во-вторыхъ, въ томъ, что они въ огромномъ большинствѣ—совсѣмъ молодые люди, которымъ свойственно заблуждаться, вы же—большую частью люди зрѣлые, старые, которымъ свойственно разумное спокойствіе и снисхожденіе къ заблуждающимся; въ-третьихъ, смягчающія обстоятельства въ ихъ пользу еще въ томъ, что, какъ ни гадки ихъ убійства, они все-таки не такъ холодно-систематически жестоки, какъ ваши Шлиссельбурги, каторги, висѣлицы, разстрѣлы; четвертое смягчающее вину обстоятельство для революціонеровъ въ томъ, что всѣ они совершенно опредѣленно отвергаютъ всякое религіозное ученіе, считаютъ, что цѣль оправдываетъ средства, и потому поступаютъ совершенно послѣдовательно, убивая одного или нѣсколькихъ для воображаемаго блага многихъ. Тогда какъ вы, правительственные люди, начиная отъ низшихъ палачей и до высшихъ распорядителей ихъ, вы всѣ стоите за релігію, за христіанство, ни въ какомъ случаѣ несовмѣстимое съ совершамыми вами дѣлами.

И вы то, люди старые, руководители другихъ людей, исповѣдующіе христіанство, вы говорите, какъ подравшіяся дѣти, когда ихъ бранять за то, что они дерутся: «не мы начинали, а они». И лучше этого ничего не умѣете, не-

можете сказать вы—люди, взявшіе на себя роль правителей народа. И какие же вы люди? Люди, признающіе Богомъ Того, Кто самымъ опредѣленнымъ образомъ запретилъ не только всякое убийство, но всякий гнѣвъ на брата; который запретилъ не только судь и наказаніе, но осужденіе брата; который въ самыхъ опредѣленныхъ выраженіяхъ отмѣнилъ всякое наказаніе, призналъ неизбѣжность всегдашняго прощенія, сколько бы разъ ни повторилось преступленіе; который велѣлъ ударившему въ одну щеку представлять другую, а не воздавать зломъ за зло; который такъ просто, такъ ясно показалъ разсказомъ о приговоренной къ побитію каменьями женщинѣ невозможность осужденія и наказанія одними людьми другихъ,—вы, люди, признающіе этого учителя Богомъ, ничего другого не можете найти въ свое оправданіе, кроме того, что «они начали, они убиваютъ—давайте и мы убивать ихъ».

V.

Знакомый мнѣ живописецъ задумалъ картину «Смертная казнь», и ему нужно было для «натуры» лицо плача. Онъ узналъ, что въ то время въ Москвѣ дѣло плача исполнялъ сторожъ-дворникъ. Художникъ пошелъ на домъ къ сторожу. Это было на Святой. Семейные разряженные сидѣли за чайнымъ столомъ, хозяина не было: какъ потомъ оказалось, онъ спрятался, увидавъ незнакомца. Жена его тоже смущилась и сказала, что мужа нѣтъ дома, но ребенокъ-дѣвочка выдала его.

Она сказала: «батя на чердакѣ». Она еще не знала, что ея отецъ знаетъ, что онъ дѣлаетъ дурное дѣло и что ему поэтому надо бояться всѣхъ. Художникъ объяснилъ хозяйкѣ, что нуженъ ей мужъ для «натуры», для того, чтобы списать съ него портретъ, такъ какъ лицо его подходитъ къ задуманной картинѣ. (Художникъ, разумѣется, не сказалъ, для какой картины ему нужно лицо дворника.) Разговорившись съ хозяйкой, художникъ предложилъ ей, чтобы задобрить ее, взять къ себѣ на выучку мальчика-сына. Предложеніе это, очевидно, подкупило хозяйку. Она вышла, и черезъ нѣсколько времени вошелъ и глядящій исподлобья хозяинъ, мрачный, беспокойный и испуганный. Онъ долго выпытывалъ художника, зачѣмъ и почему ему нуженъ именно онъ. Когда художникъ сказалъ ему, что онъ встрѣтилъ его

на улицѣ и лицо его показалось ему подходящимъ къ картинѣ, дворникъ спрашивалъ: гдѣ онъ его видѣлъ? въ какой часъ? въ какой одеждѣ? и, очевидно, боясь и подозрѣвая худое, отказался отъ всего.

Да, этотъ непосредственный палачъ знаетъ, что онъ палачъ и что то, что онъ дѣлаетъ, дурно, и что его не-навидятъ за то, что онъ дѣлаетъ,—и онъ боится людей. И я думаю, что это сознаніе и страхъ предъ людьми вы-купаютъ хоть часть его вины. Всѣ же вы, отъ секретарей суда до главнаго министра и царя, посредственные участники ежедневно совершаемыхъ злодѣяній, вы какъ-будто не чувствуете своей вины и не испытываете того чувства стыда, которое должно бы вызывать въ васъ участіе въ совершаемыхъ ужасахъ. Правда, вы такъ же опасаетесь людей, какъ и палачъ, и опасаетесь тѣмъ больше, чѣмъ больше ваша отвѣтственность за совершаемая преступле-нія: прокуроръ опасается больше секретаря, предсѣда-тель суда—больше прокурора, генераль-губернаторъ—боль-ше предсѣдателя, предсѣдатель совѣта министровъ—еще больше, царь—больше всѣхъ. Всѣ вы боитесь, но не от-того, что, какъ тотъ палачъ, вы знаете, что вы поступаете дурно, а вы боитесь оттого, что вамъ кажется, что люди поступаютъ дурно.

И потому я думаю, что, какъ ни низко падъ этотъ не-счастный дворникъ, онъ нравственно все-таки стоитъ не-сравненно выше васъ, участниковъ и отчасти виновниковъ этихъ ужасныхъ преступленій,—людей, осуждающихъ дру-гихъ, а не себя, и высоко носящихъ голову.

VII.

Знаю я, что всѣ люди—люди, что всѣ мы слабы, что всѣ мы заблуждаемся и что нельзя одному человѣку судить другого. Я долго боролся съ тѣмъ чувствомъ, которое возбуждали и возбуждаютъ во мнѣ виновники этихъ страш-ныхъ преступленій, и тѣмъ больше, чѣмъ выше по обще-ственной лѣстницѣ стоять эти люди. Но я не могу и не хочу больше бороться съ этимъ чувствомъ.

А не могу и не хочу, во-первыхъ, потому, что людямъ этимъ, невидящимъ всей своей преступности, необходимо обличеніе, необходимо для нихъ самихъ и для той толпы людей, которая подъ вліяніемъ внѣшняго почета и вос-хваленія этихъ людей, одобряетъ ихъ ужасныя дѣла и

даже старается подражать имъ. Во-вторыхъ, не могу и не хочу больше бороться потому, что (откровенно признаюсь въ этомъ) надѣюсь, что мое обличеніе этихъ людей вызоветъ желательное мнѣ изверженіе меня тѣмъ или инымъ путемъ изъ того круга людей, среди котораго я живу, и въ которомъ я не могу не чувствовать себя участникомъ совершаемыхъ вокругъ меня преступленій.

Вѣдь все, что дѣлается теперь въ Россіи, дѣлается во имя общаго блага, во имя обезпеченія и спокойствія жизни людей, живущихъ въ Россіи. Для меня, стало-быть, и нищета народа, лишенного первого, самаго естественнаго права человѣческаго—пользованія той землей, на которой онъ родился; для меня эти полмилліона оторванныхъ отъ доброй жизни мужиковъ, одѣтыхъ въ мундиры и обучаемыхъ убийству, для меня это лживое такъ называемое духовенство, на главной обязанности котораго лежитъ извращеніе и скрываніе истиннаго христіанства. Для меня всѣ эти высылки людей изъ мѣста въ мѣсто; для меня эти сотни тысячъ голодныхъ, блуждающихъ по Россіи рабочихъ; для меня эти сотни тысячъ несчастныхъ, мрущихъ отъ тифа, отъ цынги въ недостающихъ для всѣхъ крѣпостяхъ и тюрьмахъ. Для меня страданія матерей, женъ, отцовъ, изгнанныхъ, запертыхъ, повышеннѣй. Для меня эти шпіоны, подкупы; для меня эти убивающіе городовые, получающіе награду за убийство. Для меня закапываніе десятковъ, сотенъ разстрѣливаемыхъ; для меня эта ужасная работа трудно добываемыхъ, но теперь уже не такъ гнушающихся этимъ дѣломъ людей—палачей. Для меня эти висѣлицы съ висячими на нихъ женщинами, дѣтьми, музыками; для меня это страшное озлобленіе людей другъ противъ друга.

И какъ ни странно утвержденіе о томъ, что все это дѣлается для меня и что я участникъ этихъ страшныхъ дѣлъ, я все-таки не могу не чувствовать, что есть несомнѣнная зависимость между моей просторной комнатой, моимъ обѣдомъ, моей одеждой, моимъ досугомъ и тѣми страшными преступленіями, которые совершаются для устраненія тѣхъ, кто желалъ бы отнять у меня то, чѣмъ я пользуюсь. Хотя я и знаю, что всѣ тѣ бездомные, озлобленные, развращенные люди, которые бы отняли у меня то, чѣмъ я пользуюсь, если бы не угроза правительства, произведены этимъ самимъ правительствомъ, и все-

таки не могу не чувствовать, что сейчас мое спокойствие, действительно, обусловлено всеми теми ужасами, которые совершаются теперь правительствомъ.

А сознавая это, я не могу долѣе переносить этого, не могу и долженъ освободиться отъ этого мучительного положенія.

Нельзя такъ жить. Я, по крайней мѣрѣ, не могу такъ жить, не могу и не буду.

Затѣмъ я и пишу это и буду всеми силами распространять то, что пишу, и въ Россіи и виѣ ея, чтобы одно изъ двухъ: или кончились эти нечеловѣческія дѣла или уничтожилась бы моя связь съ этими дѣлами,—чтобы или посадили меня въ тюрьму, гдѣ бы я ясно сознавалъ, что не для меня уже дѣлаются всѣ эти ужасы, или же, что было бы лучше всего (такъ хорошо, что я и не смѣю мечтать о такомъ счастьѣ), надѣли на меня такъ же, какъ на тѣхъ двадцать или двѣнадцать крестьянъ, саванъ, колпакъ и такъ же столкнули со скамейки, чтобы я своею тяжестью затянулъ бы на своею старомъ горлѣ намыленную петлю.

VII.

И вотъ, для того, чтобы достигнуть одной изъ этихъ двухъ цѣлей, обращаюсь ко всѣмъ участникамъ этихъ страшныхъ дѣлъ, обращаюсь ко всѣмъ, начиная съ надѣвающихъ на людей-братьевъ, на женщинъ, на дѣтей колпаки и петли, отъ тюремныхъ смотрителей, до васъ, главныхъ распорядителей и разрѣшителей этихъ ужасныхъ преступлений.

Люди братья! Опомнитесь, одумайтесь, поймите, что вы дѣлаете! Вспомните, кто вы!

Вѣдь вы, прежде чѣмъ быть палачами, генералами, прокурорами, судьями, премьерами, царями, прежде всего вы—люди. Нынче выглянули на свѣтъ Божій, завтра вѣдь не будетъ. (Вамъ-то, палачамъ всякаго рода, разряда, вызвавшимъ и вызывающимъ къ себѣ особенную ненависть, вамъ-то особенно надо помнить это). Неужели вамъ, выглянувшимъ на этотъ одинъ короткій мигъ на свѣтъ Божій—вѣдь смерть, если вѣдь не убьютъ, всегда у всѣхъ нась за плечами—неужели вамъ не видно въ ваши свѣтлыя минуты, что ваше призваніе къ жизни не можетъ быть въ томъ, чтобы мучить, убивать людей,

самимъ дрожать отъ страха быть убитыми и лгать предъ собой, предъ людьми и предъ Богомъ, увѣряя себѧ и людей, что, принимая участіе въ этихъ дѣлахъ, вы дѣлаете важное, великое дѣло для блага миллионовъ? Нежели вы сами не знаете, когда не опьянены обстановкой, лестью и привычными софизмами, что все это слова, придуманныя для того, чтобы, дѣлая самыя дурные дѣла, можно бы было считать себя хорошимъ человѣкомъ. Вы не можете не знать того, что у васъ, такъ же, какъ у каждого изъ насъ, есть только одно настоящее дѣло, включающее въ себя всѣ остальные дѣла, то, чтобы прожить этотъ короткій промежутокъ даннаго намъ времени въ согласіи съ той Волей, которая послала насъ въ этотъ міръ, и въ согласіи съ ней уйти изъ него.

Воля же эта хотеть только одного: любви людей къ людямъ.

Вы же, что вы дѣлаете? На что кладете свои душевныя силы? Кого вы любите? Никого. Кто васъ любить? ваша жена? вашъ ребенокъ? Но вѣдь это не любовь. Любовь жены, дѣтей—это не человѣческая любовь. Такъ и сильнѣе любятъ животныя. Человѣческая любовь—это любовь человѣка къ человѣку, ко всякому человѣку, какъ къ сыну Божію, и потому брату.

Кого же вы любите? Никого. А кто васъ любить? Никто.

Васъ боятся, какъ боятся ката-палача или дикаго звѣря. Вамъ льстять, потому что въ душѣ презираютъ васъ и не навидятъ! И какъ ненавидятъ! И вы это знаете и боитесь людей.

Да, подумайте всѣ вы, отъ высшихъ до низшихъ участниковъ убийствъ, подумайте о томъ, кто вы, и перестаньте дѣлать то, что дѣлаете. Перестаньте не для себя, не для своей личности, и не для людей, не для того, чтобы люди перестали осуждать васъ, но для своей души, для того Бога, который, какъ вы ни заглушаете Его, живеть въ васъ.

31 мая 1908 г.

Ясная Поляна.